

© 2008 г.

А.Б. ДАВИДСОН, И.И. ФИЛАТОВА

НАЦИОНАЛИЗМ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Коллективный труд "Национализм в мировой истории", подготовленный Институтом этнологии и антропологии РАН¹, – это, очевидно, одно из крупнейших исследований проблем национализма не только по объему (600 страниц), но, прежде всего, по глубине и многосторонности изучения. Редакторы-составители – член-корреспондент РАН, директор Института этнологии и антропологии, глава комиссии Общественной палаты по вопросам толерантности В.А. Тишков и доктор исторических наук, известный специалист в области изучения национальных проблем В.А. Шнирельман. Авторы издания – видные отечественные и зарубежные ученые.

Но главное, конечно, тематика сборника: о национализме сейчас спорят во всем мире. Тема настолько важная, злободневная, что она связана буквально с каждой проблемой, стоящей перед человечеством. Есть ли страны или континенты, где национализм не играл бы сейчас громадной роли? И какая она, эта роль? Разрушительная? Объединяющая? Но если и объединяющая, то не есть ли она в то же время и разрушительная, не держится ли объединение на противопоставлении другим, на образе врага? Это проблема и Европы, включая и "постсоветское пространство", и новых государств – тех, что еще два-три поколения назад были колониями и полуколониями.

В последние десятилетия в связи с распадом империй и созданием многих новых государств остро встала проблема национальной идентичности. В июле 2007 г. очередная крупнейшая конференция английских и американских историков в Лондоне была целиком посвящена этой теме – какова она для государства, народов и отдельного человека.

В одной книге, даже и такой большой, как "Национализм в мировой истории", невозможно рассмотреть проблемы национализма и идентичности во всех ее аспектах и во всех странах. Но и то, что в нее вошло, безусловно, важнейший шаг к пониманию этой темы. Достаточно перечислить названия статей. Здесь и общие подходы: "Цивилизационный подход как национальная идея", "Национализм и разум". И исследования по национализму в отдельных регионах и странах: "Британия в поисках постимперской идентичности", "Ирландия – разделенная нация", "Что такое Франция? Кто такие французы?", "Испанский случай: этнические волны и региональные утесы", "Арабский национализм или арабские национализмы: доктрина, этноним, варианты дискурса", «Венгерский Миллениум 1896 года: между "потемкинской деревней" и "градом Китежем"», "История и этнонационализм в постсоциалистическом мире: югославский вариант (1980–1990-е годы)", "Единая Европа и соблазн кельтского мифа", "Прошлое во имя будущего: индийский национализм и история (середина XIX – середина XX века)", "Визуализация императора Мэйдзи и формирование японской нации".

Давидсон Аполлон Борисович – профессор МГУ и Высшей школы экономики, заведующий Центром африканских исследований ИВИ РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Филатова Ирина Ивановна – доктор исторических наук, профессор Высшей школы экономики, заслуженный профессор Университета Квазулу-Натал (ЮАР).

Статья подготовлена при поддержке гранта ГУ-ВШЭ 2007 г., номер проекта: 07-01-172.

¹ Национализм в мировой истории. М.: изд-во "Наука", 2007, 601 с.

Особое внимание у читателей, естественно, вызывают части книги, посвященные России и другим странам постсоветского пространства: "Российская нация и ее критики"², "Русский национализм в империи Романовых", «Империя как она есть: имперский период в истории России, "национальная" идентичность и теории империи», "Зарождение и современное состояние среднеазиатских национализмов".

Как у нас изучали эту проблему прежде?

При Ленине и после него характеризовали царскую Россию как "тюрьму народов", при Сталине культура была "национальной по форме, социалистической по содержанию". В последние сталинские годы кампания борьбы "против космополитизма" добавила в советские труды по национальной проблеме элементы антисемитизма.

В рассматриваемой книге нет ни "спущенных" сверху формулировок, ни готовых штампов, ни идеализации, ни очернения. Авторы анализируют национальные проблемы без той политической нервозности, с какой их столь часто обсуждают не только в газетах, но и в научной литературе. Статьи написаны в академическом стиле. Авторы полемируют и друг с другом, и со своими идейными противниками, но ни с кем не сводят счеты и нигде не опускаются до неакадемических выражений. Книга радует компетентностью и эрудицией создавших ее людей, тем, насколько глубоко разбираются они в теоретических аспектах своей проблемы, как хорошо знают новейшие концепции зарубежной науки, как глубоко понимают конкретику тех стран, о которых пишут.

Авторы ставят и обсуждают те вопросы, которые волнуют всех, кто задумывается над ролью национализма в сегодняшнем мире. Вот лишь некоторые примеры: "Какой вес и почему придавался в различных националистических дискурсах таким разным национальным символам, как язык, культура, религия, история? Как, с помощью каких механизмов происходила "национализация масс" (термин Гитлера), какие именно символы для этого задействовались? Какого рода риторику использовал национализм в разных социальных и политических контекстах? Откуда берутся национальные символы, кто является их производителями? На каких основаниях выстраивается национальный миф, каковы его функции, что делает его массовым и как именно он влияет на массы? Какого рода связи можно выявить между политической риторикой, литературными образами, научными построениями, репрезентацией нации в монументальном и изобразительном искусстве, в кино, в СМИ, в школьных учебниках?" (с. 11).

Определение национализму авторы введения (В.А. Тишков и В.А. Шнирельман) дали такое: *"Мы определяем национализм как идеологический концепт и основанную на нем политическую практику, которые базируются на том, что коллективные общности под названием нации являются естественной и легитимной основой организации государств, их хозяйственной, социальной и культурной жизни, и члены нации должны демонстрировать свою преданность, а государство и лидеры – ставить выше всего и отстаивать интересы нации"* (с. 24).

А вот данное теми же авторами определение идеологии национализма: он "базируется на постулате, что мир состоит из отдельных, четко различимых наций, каждая из которых обладает собственным характером. Нация есть единственный легитимный источник политической власти. Каждый индивид должен принадлежать и демонстрировать высшую лояльность одной и только одной нации. Нации должны быть автономны предпочтительно с собственными государствами. Только тогда могут быть обеспечены глобальные свобода и мир. К этой сердцевине националистической доктрины ее приверженцы добавляют самые разные темы и аргументы, отражающие особую историю и "характер" каждой нации. У немцев это выступает в виде представления о языковой чистоте, восходящего к германскому романтизму. У русских националистов мы нередко встречаем рассуждения о национально-религиозной миссии панславизма, у африканских – идеи негритуада" (с. 15).

² Заголовок кажется не вполне адекватным. Критиковать можно лишь подходы к изучению нации – научные, псевдонаучные, популярные, популистские и т.д.

Понятие "цивилизации", которое привлекает в последние годы такое внимание ученых, пока еще настолько мало разработано и допускает настолько различные политизированные толкования, что, считает В.А. Шнирельман, "цивилизации" начинают в научных исследованиях заполнять то поле, где господствовали "нации", и присваивают себе их функциональную нагрузку.

О манипулировании националистами историческим прошлым подробно пишет О.В. Хаванова: как они формулируют свои версии истории, как одни факты выпячиваются, другим дается своя интерпретация, третьи вообще замалчиваются; как формируются список национальных героев, идеализируются их образы. И как все это навязывается массам через школьное и университетское образование, государственную символику и, прежде всего, СМИ.

Вопросы национальной идентичности, привлекающие все большее внимание не только ученых и политиков, но и широкой общественности, рассмотрены Е.Ю. Поляковой, М.А. Липкиным, Е.И. Филипповой, А.Н. Кожановским и С.А. Романенко на материале Франции, Испании, Великобритании, Ирландии, Югославии.

Анализ не ограничивается Европой и Россией. А.Н. Мещеряков рассматривает специфику национального вопроса в Японии, исходя из того влияния западной модели национализма, которая пришла в японское общество в эпоху Мэйдзи. Г.Г. Косач полагает, что, при всей ее огромной притягательной силе, идея единой арабской нации вряд ли осуществится из-за соперничества между арабскими государствами и обречена оставаться мифом.

Что касается России, то здесь у авторов единого мнения нет. Известный знаток национального вопроса в России А.И. Миллер уверен, что идея "государства-нации" в нашей стране неосуществима, поскольку для русских, как имперской нации, пространство политического контроля не совпадает с "национальной территорией". У В.А. Тишкова – другое мнение.

Нам кажется, например, что авторам стоило бы больше внимания уделить и процессу афроазиатизации мира. Происходящие сейчас изменения: демографические, а вслед за ними экономические, политические, социальные и культурные – неизбежны. И многие из тех перемен, которых мы ждем послезавтра, уже произошли позавчера, только мы этого еще не осознали.

Авторы введения ставят задачей сборника и помощь тем, кто занимается практической деятельностью. «Занимаясь острой политологической проблематикой, надо помнить, что наши работы будут использовать практики, ссылаясь на "мнения ученых"», – пишут они (с. 12). Книга, конечно, принесет пользу практикам – если они сумеют разобратся в академических формулировках. Таких, например: «Затем, отталкиваясь от Б. Андерсона, Р. Брубейкера, Р. Суни и другие последователи теории социального конструктивизма и интерпретативной антропологии убедительным образом показали дискурсивную природу национализма как одной из наиболее распространенных "практик", которая совсем не означает необходимость реификации (вызывание к жизни) социальных реалий, находящихся в центре националистического дискурса» (с. 16). Но усложненный, порой необоснованный, язык – один из очень немногих недостатков книги.

В целом же авторы сумели с успехом использовать возможности для изучения национальных проблем, которые открылись в последние полтора-два десятилетия.

Наибольшие споры вызывают изложенные в помещенной в сборнике статье В.А. Тишкова идеи, которые он в последнее время многократно высказывал и в своих научных трудах, и в газетно-журнальных статьях, и интервью. В этой книге они отражены наиболее полно. Это идеи о том, что и Российская империя, и Советский Союз были национальными государствами, и что таковым является и Российская Федерация. В сущности, его концепция укладывается в одну фразу, которую он и выделяет курсивом: *"Россия накануне революции была как империей, так и национальным государством на основе многонациональной нации"* (с. 576). В существовании российской нации В.А. Тишков не сомневается. Необходимо лишь, считает он, чтобы этот факт признали другие.

Приведем авторские доказательства.

«К величайшему сожалению, многие отечественные историки не признают что-либо похожее на национальное государство в дореволюционной России... По сути своей доминирующая версия отечественной истории имела централистский характер и освещалась преимущественно в категориях и терминах, в которых обычно излагается история национального государства, а именно – как русского государства. Этническое начало здесь было минимальным, а главным был взгляд с точки зрения Москвы и Санкт-Петербурга, т.е. с позиции центра власти и доминирующей русской (русскоязычной, православной и восточнославянской культуры). Это, безусловно, был и остается отличительный знак исторических нарративов, свойственный национальной истории, хотя таковой он мог не называться и даже не осмысливаться, а именоваться "историей государства российского" или "историей СССР"» (с. 564–565).

«В силу ментальной инерции и влияния этнического национализма государства бывшего СССР продвигаются крайне трудно от концепта этнонации к концепту гражданской нации. Многим политикам, ученым и этническим лидерам кажется, что признание второго означает отрицание первого, поэтому во всех этих странах остается в обиходе представление о нации как об этнической общности, которая образовала соответствующее государство и является его собственником, включая даже воздушное пространство. Этническая и языковая сложность постсоветских наций отвергается, а граждане, не принадлежащие к "титულიной" этничности, переведены в категорию национальных меньшинств без членства в нации. В этом заключается радикальное отличие от мирового концепта меньшинств, ибо в Финляндии шведское национальное меньшинство входит в состав финляндской нации вместе с этническими финнами, саамами и местными русскими» (с. 560).

А в самой Российской Федерации?

«Российский народ как гражданская нация и его обозначение словом "россияне" или решительно отвергаются, или отрицание нации скрыто в тезисе формирования российской нации как проекта для будущего. Это отрицание, а не недостаток схожести и солидарности россиян, и есть основное препятствие для признания существования российской нации. Переубеждение таких отрицателей, собственно говоря, и есть "нациестроительство" или "формирование нации"» (с. 561).

В.А. Тишков настаивает на том, что до 1917 г. существовали понятия "российский народ" и "россияне", и что эти понятия необходимо восстановить. Некоторые деятели активно выступают против такого мнения. Они исходят из того, что речь должна идти только о "русском народе" и "русских". Есть и другие критики. Э. Паин в статье "От третьего Рима к гражданской нации?" критикует В.А. Тишкова не с националистических, а с либеральных позиций. Он исходит из того, что Россия остается империей, а в "империи не может быть гражданских наций". Считая Э. Паина ведущим в стране экспертом, В.А. Тишков тем не менее настаивает: "Есть в России нация! Есть и гражданское общество!" (с. 583).

В.А. Тишков полемизирует и с возникшей в последние годы историографией стран, которые когда-то входили в Российскую империю и в СССР, а теперь являются независимыми государствами. Для многих историков этих стран пребывание в империи – лишь тягостное прошлое, в котором назревала борьба за независимость.

Среди авторов рассматриваемой книги не все согласны с В.А. Тишковым. Выше говорилось о точке зрения, изложенной в статье А.И. Миллера. В.А. Тишков полемизирует с ним. "Расхождение с А.И. Миллером, – пишет он, – начинается с того, что он не может не признать образ-представление о российском народе и российскую идентичность как реальность политической, гражданской нации, которую так все долго ищут и не могут обнаружить. На самом деле никакой другой реальности у данной субстанции быть не может. А это означает также, что само *российское государство*, каким бы оно ни было по устройству – *монархией-империей, союзом республик и страной советов или республикой-федерацией*, – *может и должно квалифицироваться как национальное государство*" (с. 595).

Среди тех, кто прямо не выступает против идеи В.А. Тишкова, немало сомневающихся. Может быть, считают они, идея и неплоха, но идеалистична, неосуществима. Марксизм-ленинизм, полагают они, перестав быть господствующей идеологией в России, освободил некое идеологическое пространство – вот и приходит ему на смену идеология самая простая, самая доступная – национализм. К тому же, как известно, национализм усиливается сейчас во многих странах мира. Это связано с тем, что контакты между расами и народами растут с невиданной быстротой, и это приводит порой к усилению взаимных предрассудков. Наша страна – не исключение. Предрассудки против мигрантов – тому свидетельство.

Но давайте задумаемся, какова же альтернатива определению В.А. Тишковым российской нации. Если национализмы абсолютно непримиримы и, более того, будут усиливаться, то какое нас ждет будущее? Раскол? Какой-то другой, третий путь? Ну, а если этого третьего не дано?

Рассматриваемый коллективный труд уже привлек внимание различных кругов читателей и возникли оживленные дискуссии не только в среде научной общественности, но и в кругу политиков и публицистов. Это, конечно, заслуга авторов. Они взялись за изучение крайне животрепещущей проблемы, дали глубокий анализ и показали существующую борьбу мнений вокруг нее.